

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Философские основания гуманитарной экспертизы

П. Д. ТИЩЕНКО

(Институт философии РАН, Московский гуманитарный университет)*

Гуманитарная экспертиза рассматривается как социальная технология опережающего реагирования на возможные негативные последствия социальных и технологических инноваций в условиях нередуцируемой множественности моральных перспектив и экспертных оценок.

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза, биоэтика, ответственность, социальные и технологические инновации, множественность моральных перспектив.

Philosophical Foundations of Humanitarian Expertise

P. D. TISHCHENKO

(INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

Abstract: Humanitarian expertise is a social technology of beforehand reacting on possible adverse effects of social and technological innovation in the situation of irreducible multiplicity of moral perspectives and expert's judgments.

Keywords: Humanitarian expertise, bioethics, responsibility, social and technological innovations, multiplicity of moral perspectives.

Идея гуманитарной экспертизы находится в процессе становления. Как свидетельствуют ее разработчики, «когда мы переходим к характеристике гуманитарной экспертизы, то оказываемся в ситуации значительной неопределенности» (Юдин, Луков, 2006: 15). Эта неопределенность, с моей точки зрения, имеет необходимый характер. Она обусловлена, с одной стороны, богатством заключенных в данной идее возможностей, а с другой — недостаточной сформированностью гуманитарной экспертизы как

практики. Задачей предлагаемой вниманию читателя статьи является попытка осмыслить некоторые философские основания идеи гуманитарной экспертизы и предложить, исходя из полученного основания, набросок ее возможной идеологии.

Что в современной исторической ситуации делает идею гуманитарной экспертизы актуальной? Уже процитированные авторы справедливо отмечают: «Пока мир не вышел на рубежи глобального взаимодействия людей, пока эксперименты с человеческим

---

* Тищенко Павел Дмитриевич — заведующий сектором гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии Российской академии наук, главный научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, доктор философских наук. Тел.: (495) 203-90-67, (495) 374-75-95. Эл. адрес: ptishchenko@bioetics.ru

телом, мозгом, поведением не стали угрожать самому существованию человеческого рода, пока наука представлялась независимой от субъекта и свободной от нравственных ценностей, для гуманитарной экспертизы место оставалось в довольно ограниченных сферах. Но на переломе XX и XXI веков эти сферы срастаются в нечто столь грандиозное, что человечество рискует окончательно потерять контроль над последствиями своей деятельности» (Юдин, Луков, 2006: 3).

Вдумаемся в это интересное рассуждение. Что стоит за тезисом о глобальности взаимодействия людей? Во-первых, это новая ситуация экономической и культурной связанности человечества, активно развивающиеся структуры отношений, которые строятся как бы поверх национальных границ, размывая национальные особенности, обусловленные различиями местных традиций. *Результатом этой тенденции является формирование общих для всего человечества структур жизненного мира.* Они включают общие эстетические (телевидение, кинематограф, музыка, архитектура, литература и др.), морально-политические (международное право, международные системы моральной нормативности), экономические (региональные и всемирные), научные, информационные, коммуникационные и жизненно-практические компоненты (общность технологий удовлетворения базисных потребностей человека — одежда, еда, транспорт, быт и т. п.). Тем самым происходит формирование некоторой обобщенной идеи «человека», значительно более универсальной и эффективной, чем существовавшие в предшествующие эпохи, но потерявшей национальные особенности. Реакцией на эту тенденцию является столь же глобальная тенденция антиглобализма, пытающегося сохранить барьеры национальных особенностей, укрепить или возродить традиционные моральные ценности, формы быта, народного искусства и т. д. Глобальный конфликт глобализма и антиглобализма формирует внутреннее напряжение многих национальных и между-

народных инициатив в политике, экономике, образовании, здравоохранении и т. д.

Второй аспект глобализации связан с новым пониманием человеческого действия. Начиная с Аристотеля действие человека трактовалось как локальное, ограниченное рамками непосредственных последствий. Столь же локальна была и ответственность за совершенное или не совершенное деяние. Традиционную точку зрения выражает академик А. А. Гусейнов. Говоря об особенностях этических проблем, он пишет: «Здесь есть, однако, один специфический момент, в силу которого этическая проблема и именно потому, что она этическая, не может приобрести статус вечной — постоянно разрешаемой и никогда не разрешимой — проблемы. Открытость, принципиальная антидетерминированность выводов, вполне терпимая и, может быть, даже желательная в гносеологии, оказывается недопустимой и просто невозможной в этике, поскольку здесь, как установил еще Аристотель, целью является «не познание, а поступки». Поступки же требуют определенности, однозначности» (Гусейнов, 2005: 48).

Но определенность и однозначность возможны лишь при понимании самого поступка как ограниченного конкретными, ближайшими последствиями. Экологическая этика поставила вопрос о необходимости мыслить последствия человеческих действий «глобально», учитывать отдаленные трудно предсказуемые эффекты. Эта установка становится доминирующей для современного мышления в целом. Поэтому гуманитарная экспертиза предполагает новое понимание моральной ответственности. Ее начинает беспокоить контроль человечества над последствиями своей деятельности в глобальном масштабе. Дело в том, что сохранение рационального контроля над конкретными действиями, которое ориентировано только на ближайшие последствия, не гарантирует спасения от отдаленных негативных эффектов.

В свое время на это обстоятельство обращал внимание американский (до 1934 г. —

немецкий) философ Ганс Йонас. Характеризуя классический подход к этическим проблемам техники, он подчеркивал, что «традиционная идея *техне...* является этически нейтральной — и в отношении объекта, и в отношении субъекта действия» (Jonas, 1984: 4). Взрывы ядерных бомб уничтожили миф моральной нейтральности науки. Одновременно, в традиционной этике «само моральное действие сводилось к непосредственному взаимодействию одного человека на другого человека» (Jonas, 1984: 4). В современной ситуации природа, жизнь, окружающая человека и являющаяся условием его собственного существования, благодаря развитию экологического движения приобретают статус моральных ценностей. При этом классическая моральная философия предполагала, что «в контексте совершаемого действия в конкретном домене реальности сущность «человека» и базисные условия его существования рассматриваются как константные по природе вещей и не преобразуются за счет внедрения технологий» (Jonas, 1984: 4). Однако современные технологии начинают радикально трансформировать не только условия существования человека, но и его сущность. Возникает проблема кризиса самоидентичности человека. И, наконец, четвертая метафизическая черта традиционной этики заключается в том, что «добро и зло, по поводу которых реализует себя моральная забота, связаны либо с самим действием, либо с его ближайшими последствиями и никогда не становятся предметом отдаленного планирования» (Jonas, 1984: 4). В новых условиях необходима иная этика, иное понимание ответственности, которое Йонас сформулировал в виде особого «императива ответственности»: «Действуй так, чтобы результат твоего действия обеспечивал непрерывность человеческой жизни» (Jonas, 1984: 34). Как нетрудно заметить, Йонас фактически сформулировал в начале 60-х годов те идейные предпосылки, из которых сейчас вырастает идея гуманитарной экспертизы. Но должно было пройти время, чтобы его мысли оказались востребованы

в новой исторической ситуации начала третьего тысячелетия.

Одновременно следует подчеркнуть, что новая идея ответственности касается не только широкомасштабных технологических инноваций, но и небольших, конкретных действий, которые вследствие своей массовости способны столь же мощно влиять на сущность и условия существования человека.

Например, мать погибшего солдата требует права на клонирование сына из сохранившихся в банке крови образцов его тканей. Причем сама хочет «его» второй раз родить. Дело благое — поскольку облегчит страдание потери самого близкого человека. Но клонирование, если будет допущено в качестве массовой репродуктивной технологии, снимет различие между мужским и женским, которое на протяжении тысячелетий выступало основой культурной динамики, важнейшим механизмом социальной стратификации и индивидуального самосознания человека.

Или больной, испытывающий неизлечимую боль, требует права на эвтаназию — права на получение помощи со стороны врача, которая заключается в его «гуманном» (быстром, комфортном и безболезненном) убийстве. Но эвтаназия, если будет допущена, преобразует убийство из преступления в разновидность медицинской помощи — разновидность рутинных социальных механизмов милосердия, разрушив тем самым еще одно из оснований культуры, основополагающий запрет «Не убий!».

В этих, как и тысячах других случаев, работает один и тот же механизм, который в этике учитывается «аргументом наклонной плоскости». Для достижения (с «моей особой» точки зрения) благой цели нужно совершить небольшой шагок в сторону от того, что традиционно рассматривается в качестве моральной ценности, определяющей собственно человеческое в человеке. Но в результате этого шага, сколь бы малым он ни представлялся, человек оказывается на скользкой наклонной плоскости. Причем благодаря

позволению преступить — он лишает себя точки опоры, чтоб иметь возможность остановиться. Он лишает себя сопротивления совести, которое может быть неудобным для достижения желаемой благой цели. Тем более что шагок мал. В результате начинается неуклонное скольжение вниз — по ту сторону человеческого в самом себе...

Явление это не ново. Более того, оно изначально для человеческой культуры. Библейский рассказ о грехопадении вкупе с многообразием аналогичных повествований иных древних источников — тому в свидетельстве. Новейшие достижения биотехнологий инвестируют в существо человека лишь *еще одну* (из бесчисленных бывших, наличных и будущих) тенденцию «преступить себя». Еще в одном плане своего существования человек находит себя стремительно *скользящим по ту сторону человеческого в человеке*.

Подобная точка зрения на прогресс технологий формирует мощное *антисциентистское настроение в обществе*. Его альтернативой являются многочисленные варианты современного *технократизма*, установки которого не менее фундаментальны для новоевропейской культуры. В самом деле, на прогресс технологий, трансформирующий и сущность, и формы существования человека, можно взглянуть с прямо противоположной точки зрения.

Собственно человеческое в человеке — это не некая предсуществующая сущность, выражением которой являются традиционные запреты и моральные ограничения, но именно сама тенденция к преступлению любой готовой формы жизни. Тенденция к само-преобразованию, творчеству новых и новых форм человеческой сущности и существования, т. е. *собственно человеческое в человеке — это и есть сам порыв к новому*, к открытию «мира впервые» (Библер). Собственно говоря, эпоха Нового времени, еще делящаяся, несмотря на глубинные преобразования, сама себя и узнает только в «новом», еще небывалом. Герои этой эпохи — первооткрыватели, изобретали, новаторы —

неважно, в какой области: политике, художественном творчестве, науке, технике и т. п. «Каждое «поступить», — свидетельствует Марина Цветаева, — есть преступить чей-то закон: человеческий, божеский или собственный». Из этой перспективы культурного видения становление человека иным под действием биотехнологического прогресса является наиболее аутентичным выражением его творческой самости. Тот, кто выступает против новых, более совершенных технологий преобразования человеческой сущности и форм существования, движим предубеждениями, от которых человечество должно освободиться: чем раньше и радикальнее — тем лучше.

Иными словами, диалектически необходимой противоположностью антисциентизма является технократический прогрессизм, который увлечен рискованной *игрой в бога* — попыткой собственными силами, на основе собственного знания и по своему образу и подобию производить, выражаясь голливудским языком, наделенные *новыми* улучшенными биологическими и психическими качествами *новые и новые* серии «римейков» человека. Принципиальная неконтролируемость и непредсказуемость последствий радикальных манипуляций на фундаментальном биологическом (включая геномный) уровне превращает *игру в бога* в своеобразную русскую рулетку.

Крайности антисциентизма и технократизма выражают глубоко укорененную в сознании современного человека апорию. Человек продолжает уповать на науку и технологии как на средство решения многих острейших проблем, как на источник качественного улучшения своей жизни, расширения возможностей самореализации. Но чем больше власти он приобретает, тем опаснее становится эта власть для него самого. Как реакция на эту угрозу растет ценность всего природного, натурального, естественного, экологически чистого, традиционного и т. п.

Опасность вырастает именно из того источника, в котором новоевропейский человек черпал средства своего спасения.

Этот парадокс является специфическим постоянно воспроизводимся *началом* острейших дискуссий относительно допустимости или недопустимости разработки тех или иных технологических новаций — *началом гуманитарной экспертизы* как особой идеологии и практики, призванной дать обоснованный ответ на угрозы современной исторической ситуации. Этот ответ должен учитывать: а) моральную нагруженность современных технологий; б) понимание того, что технологии способны трансформировать сущность и формы существования человека; в) необходимость включения в предмет моральной заботы (помимо личности человека) его жизнь, представляющую частицу природной жизни как глобального целого; г) необходимость осмысленного учета отдаленных последствий действий человека. Забегая вперед, отмечу, что последний аспект получает особо оригинальную и интересную разработку в гуманитарной экспертизе в связи с использованием «принципа опережающего реагирования» (Юдин, Луков, 2006: 23–27).

Эти, связанные с идеями Г. Йонаса, аспекты должны быть дополнены одним весьма существенным уточнением, которое качественно отличает стратегию гуманитарной экспертизы от подхода американского автора. Дело в том, что Йонас полагал, что возможно надежное стратегическое научное прогнозирование последствий тех или иных действий и их однозначная моральная оценка, т. е. несмотря на расширение круга последствий, определяющих ответственность человека, они оставались для него достаточно определенными в двух планах: в плане возможности их точного научного описания и предсказания, а также в плане возможности их однозначной моральной оценки.

В современной ситуации идея ответственности должна работать в условиях принципиальной непредсказуемости отдаленных и не очень отдаленных последствий. Достаточно напомнить о конфликте между различными группами ученых относительно оценки рисков генетически модифицирован-

ных продуктов. Одновременно множественность дискриптивных научных представлений возможных рисков дополняется множественностью их моральной оценки. С этим обстоятельством столкнулась в свое время биоэтика.

Один из наиболее влиятельных современных американских философов Тристрам Энгельгардт-младший видит основание этой множественности в особенностях современной культуры. Распад христианства на конфликтующие конфессии определил отсутствие единой религиозной канонической позиции в отношении новых угроз, с которыми столкнулось человечество в сфере новых технологий. В свою очередь, «попытка создать секуляризованный эквивалент западного христианского монотеизма путем рационального раскрытия единственной моральной и метафизической перспективы понимания реальности обернулась фрагментацией мысли, политеизмом перспектив, хаосом морального многообразия, какофонией множества конкурирующих моральных повествований» (Engelhardt, 1996: 5).

Множественность истолкований и направлений поиска ответов удваивается за счет метафизического разлома, который создает нерв современной исторической эпохи. Речь идет об уже упомянутой мной парадоксальной экзистенциальной игре страха и надежды, конституирующей базисные структуры современной культурной идентичности, — специфическом ритме *экзистенциального повтора*. Науки и технологии в сознании современного человека — это одновременно защита и угроза, путь спасения и опасное скольжение по наклонной плоскости, ведущее к гибели.

Как возможно мыслить эту множественность серьезно? Можно ли разрешить исходную парадоксальность ситуации и содержательно удержать множественность не только в мысли, но и дать ей возможность определять морально обоснованный ответ? Возможно ли плодотворное с практической точки зрения инакомыслие? Практика гуманитарной экспертизы, развивая некото-

рые подходы биоэтики, учитывает эту актуальную потребность. Она, в частности, развивает идеи этических комитетов. 9 ноября 1962 г. в журнале «Лайф» была опубликована статья журналистки Шаны Александр (Shana Alexander) «Они решают, кому жить, кому умирать». Статья посвящена важному и неординарному событию, с которого, по мнению некоторых философов, начинается история биоэтики.

В 1961 г. д-р Белдинг Скрайбер (Belding Scriber, Сизтл, США) создал эффективно работающий аппарат искусственной почки. Метод хронического гемодиализа значительно продлил жизнь больных с почечной недостаточностью. Однако на начальной стадии применения этого метода существовал острый дефицит аппаратов. Для принятия решения — кому предоставить возможность выжить, а кого этой возможности лишить, в клинике г. Сизтл был создан первый этический комитет. Комитет включал группу граждан, среди которых было лишь несколько врачей. Цель комитета заключалась в выработке конкретных правил отбора пациентов для гемодиализа. Впервые в истории науки и медицины врачи осознали ограниченность собственных возможностей в различении добра и зла. Они призвали на помощь священников, юристов, философов и представителей общественности (lay people). Более того, они ясно осознали, что распределение дефицитной помощи — это не только техническая процедура, но и решение моральной проблемы справедливости, что ее неверное решение может привести к созданию новой (в сравнении с расовой и гендерной) политики дискриминации людей. Несмотря на то что принципы, разработанные комитетом, в дальнейшем неоднократно подвергались критике, сама модель комитета как практического ответа на ситуацию принятия решений в условиях реальной множественности моральных оценок оказалась жизнеспособной.

3 декабря 1967 г. южноафриканский хирург Кристиан Барнард первым в мире пересадил сердце от одного человека другому.

Он спас жизнь неизлечимому больному, изъев бьющееся сердце у женщины, мозг которой был необратимо поврежден в результате автомобильной катастрофы. Но действие Барнарда вызвало неоднозначную реакцию: одна часть мировой общественности восприняла сообщение об успешной пересадке сердца как триумф науки, а другая — как информацию о недопустимом убийстве одного человека (у донора еще билось сердце) во имя спасения другого. Так вот, для того чтобы разрешить эту сложнейшую моральную и антропологическую проблему (жив или мертв человек с бьющимся сердцем, но погибшим мозгом), в 1968 г. в Гарвардской медицинской школе был создан этический комитет по образцу комитета, работавшего в Сизтле. Его основателем стал влиятельнейший американский анестезиолог Генри Бичер. В состав комитета входили помимо врачей юристы, богословы, философы. В результате деятельности комитета был разработан так называемый гарвардский критерий смерти мозга, который до настоящего времени определяет важнейшую антропологическую границу между жизнью и смертью. В условиях множественности моральных перспектив наиболее оптимальной формой принятия решений становится мультидисциплинарное обсуждение проблем и поиск согласованных решений.

Следующей вехой развития идеи этического комитета как способа разрешения острейших проблем технологического прогресса в условиях неустраняемой множественности моральных позиций стала работа Национальной комиссии по защите человеческих субъектов в биомедицинских и поведенческих исследованиях при конгрессе США (National Commission for Protection of Human Subjects of Biomedical and Behavioral Research). Она была построена аналогично комитету Бичера, проработала с 1974 по 1978 г. и создала систему морально обоснованных правил проведения научных исследований на человеке, которая с небольшими изменениями адаптирована многими национальными и международными стандартами

в данной области. Ее принципы работают и в российском законодательстве.

К настоящему времени этические комитеты превратились в сложно организованный социальный институт. Они существуют при а) многих научных и учебных институтах, а также медицинских центрах; б) профессиональных медицинских и биологических организациях (национальных и международных); в) фармацевтических и биотехнологических компаниях; г) государственных организациях (академиях, министерствах, правительствах, президентских администрациях); д) международных организациях (ООН, ЮНЕСКО, Совет Европы и др.).

Позволю себе дать истолкование смысла комитета как некоторой идеи решения проблемы множественности, которая практически полностью заимствуется идеей гуманитарной экспертизы. Прежде всего, необходимо понять возможность и необходимость множественности моральных позиций в подходе к оценке последствий технологического прогресса. Эта множественность не является субъективным следствием «эклектики» мышления или неумения моральной философии дать конкретное всеобщее истолкование идеи блага. Проблема только в том, что есть много возможностей философского или богословского истолкования идеи блага. И число их со временем не уменьшается, а растет.

Как на эту множественность реагировать? XX век дает слишком много кровавых примеров фашистских, нацистских, коммунистических, националистических, религиозных, этнических и иных практик насильственного достижения морального единства общества. Если «мы» обладаем Истиной (неважно, какого рода), то она уже не может стать предметом политического выбора, народного волеизлияния. Она есть. И единственное, что следует делать, — заставить общество принять ее. Причем принять насильственно. Массы, публика и народ — все это сообщества индивидов, не понимающих своего блага или погрязших во всевозможных пороках. Мир катится к гибели. Его надо

спасти. Промедление смерти подобно. Нужны чрезвычайные меры — комиссии, трибуналы, цензура, лагеря для тех, кто иначе мыслит суть проблем, а главное — насилие, насилие и еще раз насилие для достижения «единства». В результате — горы трупов, миллионы искалеченных судеб, а также полнейший маразм власти и претендующей на единственную истинность идеологии, от которой люди с брезгливостью отворачиваются, предоставляя ей возможность в подходящий исторический момент рухнуть. Так было у нас в феврале 1917 г. и августе 1991 г. Так было во многих других странах. И это с неизбежностью повторится, если мысль снова трусливо отшатнется от множественности во имя насильственного насаждения единства. В этой ситуации *отказ от насилия является условием не только физического, но и морального выживания современных сообществ, сохранения самих ценностей от деградации*. Тем более что в науке растет число исследований, доказывающих, что характер мышления и приверженность определенным ценностным ориентациям обусловлены не столько слабостью мысли, сколько объективными факторами, связанными с языком, гендером, традициями, социальным и экономическим положением, различными видами коллективного и индивидуального бессознательного, политическими предпочтениями и т. д. Ликвидировать эти различия не только невозможно, но и неверно по существу. Идея прав человека, которая кажется ревнителям традиций «пустой», «формальной» и «бессодержательной», как раз и призвана сохранить и защитить множественность, а следовательно, сложность и богатство морального мира от вырождения.

В этом контексте должно быть ясно парадоксальное требование — важнейшим шагом на пути к некоторому общему решению в отношении сложнейших проблем, порождаемых научно-техническим и социальным прогрессом, является не сглаживание и игнорирование, а обнаружение различий и предоставление им возможности адекватно выразить свое содержание. Без выявления раз-

личий интересов и ценностей нельзя строить процедуры их согласования путем обсуждений. В нашей стране широко распространено недоверие к «говорильне» демократических обсуждений. «Люди дела» во власти, бизнесе, науке, здравоохранении и других областях общества видят в дискуссиях пустую растрату времени. Надо действовать, а не болтать. Но действие, не учитывающее сложности интересов и ценностей в обществе, ничем кроме как насилием быть не может. *В идее этического комитета как раз и предположена необходимость обсуждения различий и поиска согласованных решений.*

Гуманитарная экспертиза заимствует эту биоэтическую идею и радикализирует ее в двух направлениях. Во-первых, она расширяет сферу экспертизы далеко за рамки биомедицины. С моей точки зрения, многие политические, экономические, педагогические и иные проекты требуют комплексной гуманитарной экспертизы. Во-вторых, гуманитарная экспертиза в большей степени учитывает сложность моральных и антропологических проблем, порождаемых научным и социальным прогрессом. Обычно практика этических комитетов ограничена принятием конкретных решений, нормирующих реализацию тех или иных инноваций. Это важный элемент экспертной деятельности. На основе выявляемой сложности проблем граждане используют легитимные механизмы формирования коллективной воли для принятия конкретного морально обоснованного решения в форме закона, декларации принципов, административных норм и т. д. Но принятие конкретного решения не снимает самой проблемности. Несмотря на десятилетия обсуждений таких проблем, как эвтаназия, клонирование человека, аборт и т. п., они не становятся проще или понятнее. Проблемы связывают индивидов и сообщества, не посягая на их особенности, удерживая и сберегая множественность. Идея гуманитарной экспертизы как делящегося мониторинга проблем, принятых решений и отслеживания отдаленных последствий как раз и учитывает данное обстоятельство.

Таким образом, ответом на фундаментальные проблемы является не только конкретное решение, но и саморазвитие самого общества, сохранение и обогащение в нем зоны открытости фундаментальным проблемам современности. За счет этого общество находится в состоянии нравственного бодрствования, не впадает в спячку иллюзорного идейного единства.

В каком-то смысле в идеологии гуманитарной экспертизы меняется сама идея «решения» проблемы. Оно заключается не в фальсификации одних моральных установок в пользу других и не в снятии их всех в некотором диалектическом синтезе на гегелевский манер. *Решение заключается в сложном движении мысли. Во-первых, в прояснении всей глубины и парадоксальности встающих проблем за счет мультидисциплинарного обсуждения. Во-вторых, в поиске таких идейно нейтральных «развязок», которые давали бы возможность каждому индивиду, оказавшемуся в ситуации выбора, поступить именно в силу своих особых этических предпочтений. И, наконец, в сохранении и постоянном углублении самой проблемности.* Последнее обстоятельство существенно важно в ситуации неопределенности и непредсказуемости последствий многих социальных и научно-технических инноваций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гусейнов, А. А. (2005) Обоснование морали как проблема // Мораль и рациональность. М. : ИФРАН.
- Юдин, Б. Г., Луков, Вал. А. (2006) Гуманитарная экспертиза. К обоснованию исследовательского проекта. М. : Изд-во Моск. гуманитарн-та.
- Engelhardt, H. Tr., Jr. (1996) The Foundations of Bioethics. 2nd ed. N. Y. Oxford : Oxford Univ. Press.
- Jonas, H. (1984) The Imperative of Responsibility: In Search of an Ethics for Technological Age. Chicago: Univ. of Chicago Press.